

Зубанова Н.А.

МУЗЕЙ ВО ВВЕДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ (1919–1928):
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зубанова, Надежда Андреевна—зав. отделом «Усадьба», Россия, Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века», Москва, museumkuskovoestate@gmail.com.

В предлагаемой статье рассказывается о малоизученном этапе истории Государственного музея керамики, связанном с его основанием и первыми годами жизни. Музей был открыт в 1919 г. на основе собраний известного московского коллекционера Алексея Викуловича Морозова, который еще до революции 1917 г. полагал по примеру других известных московских коллекционеров создать музей своего имени и подарить его городу. После революции Морозов остался при своих коллекциях и позже стал работать в музее в должности хранителя. Музей фарфора относится к числу первых музеев, открытых в условиях складывания нового государства. Уникальная коллекция фарфора, собранная А.В. Морозовым, стала тем ядром, вокруг которого начал формироваться единственный в стране уникальный музей, посвященный истории одной из древнейших форм человеческой деятельности—керамического производства. Впервые в статье освещаются такие аспекты деятельности музея, как источники музейного комплектования, режим работы, хозяйственная и выставочная деятельность, «борьба» за экспозиционные и фондовые площади, «жизнь» музея при дефиците финансирования и в условиях новой экономической политики Советского государства.

Ключевые слова: Государственный музей керамики, А.В. Морозов, коллекция, музей, комплектование.

THE MUSEUM IN VVEDENSKY LANE (1919–1928):
HISTORY OF FOUNDATION AND THE FIRST YEARS

Zubanova, Nadezda Andreevna—Head of Department «Estate», Russia, The State Museum of Ceramics and the Kuskovo 18th Century Estate, Moscow, museumkuskovoestate@gmail.com.

The article considers the unknown pages of the history of the State Museum of Ceramics, connected with its foundation and the first years of its existence. The museum was opened in 1919 on the basis of the collections of the famous Moscow collector Alexei Vikulovich Morozov, who even before the 1917 revolution believed, following the example of other well-known Moscow collectors, to create a museum of his name and present it to the city. After the revolution, Morozov stayed with his collections and later began to work in the museum as a curator. The porcelain museum is one of the first museums opened in the Soviet state. The unique collection of porcelain collected by A.V. Morozov became the core around which was created the unique museum, dedicated to one of the oldest forms of human activity—the history of ceramic production. For the first time, the article highlights such aspects of the museum's activities as sources of museum acquisitions, the mode of operation, economic and exhibition activities, the “struggle” for expositional and stock areas, the “life” of the museum with a shortage of funding and the new economic policy of the Soviet state.

Key words: The State Museum of Ceramics, A.V. Morozov, collections, museum, gathering.

История Государственного музея керамики, а также вопросы, связанные со складыванием и бытованием коллекций Алексея Викуловича Морозова, чье фарфоровое собрание послужило основой для создания музея, уже неоднократно привлекали внимание специалистов¹ Однако темы, связанные с внутренней жизнью музея: комплектование, реставрация, выставочная деятельность, кадровый состав, как правило, оставались на периферии исследовательского интереса. В предлагаемой статье рассматриваются вышеозначенные аспекты деятельности Государственного музея керамики в первые годы его существования.

Введенский переулок, дом 21 — первый адрес Музея фарфора (позднее Государственный музей керамики). Данный особняк был построен по проекту архитектора Д.Н. Чичагова в 1879 г. для семьи купцов Морозовых. Морозовы были старообрядцы, причем принадлежали к его беспоповской ветви: они не признавали священства и самостоятельно совершали христианские требы в молельнях, которые организовывали в своих домах. Такая молитвенная комната была и в доме во Введенском переулке. Для нее дед Алексея Викуловича Морозова, Елисей Савич, приобретал иконы «дониконовского» письма. Он же, увлеченный вопросом, связанным с ожидаемым происшествием Антихриста, собрал обширную коллекцию рукописных и старопечатных книг XVI–XVII вв.²

В воспоминаниях А.В. Морозова, которые он начал писать уже под конец жизни, есть любопытное упоминание о том, что подобные увлечения деда не находили поддержки не только в кругу семьи, но и среди знакомых: «Дед со своими интересами, не имеющими ничего общего ни с фабрикой, ни с наживой, интересами бескорыстными, соприкасавшимися с областями научной и художественной, стоял особняком в своем кругу и в своей семье. После смерти деда в следующем поколении, у отца и матери не было никакой склонности к интересам в области культуры, науки и искусства, никакого знакомства с людьми, работавшими в этих областях»³. Однако данная увлеченность и страсть к собирательству в полной мере передалась внуку — Алексею Викуловичу.

Его собирательские интересы были многогранны: Алексей Викулович коллекционировал иконы (пополняя собрание деда), гравюры, серебро, стекло, ткани, миниатюры, игрушки и, конечно же, русский фарфор. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что в его фарфоровом собрании встречались и образцы производства иностранных заводов, но это были вещи, связанные с российской историей.

В дальнейших планах коллекционера было открыть музей своего имени и подарить его Москве. Как он сам писал об этом: «Я задался мыслью превратить свой обширный особняк, в котором я жил одиноким холостяком, в музей, и завещать его городу Москве, как Музей моего имени»⁴.

¹ *Мозжухина Т.А.* Единственный в России. Государственный музей керамики в Кускове. М., 2011; *Самецкая Э.Б.*: 1) А.В. Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей–6. Художественные собрания СССР. М., 1986, С. 159–164; 2) Художественно-керамическая лаборатория в Государственном музее керамики. 1918–1930 годы // Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. Научные чтения памяти В.М. Василенко: Сб. ст. М., 2001. Вып. 3. С. 186–196; *Яхненко Е.В.* История Государственного музея керамики (1918–1938) (к 80-летию создания музея) // Дворец. Усадьба. Заповедник. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию организации московского музея-усадьбы «Останкино». М., 2010. С. 46–61.

² Архив Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII в.». К-64. Воспоминания (черновики, наброски, материалы) А.В. Морозова (рукопись). Л. 5 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 3 об.

Осуществлению данных планов помешали события 1917 г. В непростой исторический момент Алексей Викулович принимает единственное верное для него решение — остаться в Москве, в своем доме, рядом со своими собраниями: «судьба их в это время была не обеспечена, безопасность их висела на волоске ...»⁵. Весной 1918 г. Морозов и его бесценные коллекции попадают в самую гущу политических событий, происходящих в Москве: 3(16) марта фамильный особняк был захвачен анархистскими группировками. Морозову с трудом удается покинуть особняк. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. ВЧК производит разгром московской организации анархистов, атаковав с помощью пулеметов дома, которые они удерживали.

После освобождения, охрана морозовского дома проводилась ЧК по борьбе с контрреволюцией. Однако это не спасало его от разграбления, т.к. «солдаты при смене караулов уносили мелкие предметы обихода»⁶.

Сам хозяин вернулся к себе домой лишь в конце мая и застал там ужасающую картину разрушения: «за время своего пребывания анархисты разграбили весь мой гардероб, все столовое серебро, почти всю посуду, уничтожили все запасы и выпили все вино. Из собраний частично пострадали гравюры: немало папок было растаскано по разным комнатам и многих гравюр я не досчитался. Пропала часть старинного серебра и очень ценная коллекция старинных шелковых тканей, уничтожен весь мой архив»⁷.

1918 год для Москвы выдался очень тяжелым: в город продукты поступали с большими трудностями, многие жители уже голодали. В этих условиях с целью борьбы со спекуляцией ВЧК устраивала продовольственные обыски. Такие обыски проходили и в особняке Морозова, и также угрожали сохранности коллекций. В результате, осознавая, что ему одному не под силу обеспечить целостность своих собраний, Алексей Викулович пишет обращение в Отдел по охране памятников искусства и старины при Моссовете с просьбой, чтобы при подобных обысках присутствовали представители данного отдела⁸. 6 августа 1918 г. на собрание Морозова Комиссией по охране памятников искусства была выдана охранная грамота № 1921, которая удостоверяла, «что квартира — музей гр. А. В. Морозова находится на учете и под охраной Комиссии, как национальное достояние и без ведома Комиссии не подлежит ни реквизиции, ни уплотнению»⁹. Несмотря на охранную грамоту в скором времени в особняк въезжают сторонние организации: Главное управление архивами и учреждение «Красный подарок».

В декабре 1918 г. коллекции А.В. Морозова были национализированы¹⁰. Для приемки на государственный учет находящихся в доме собраний, Отдел по делам музеев и охране памятников искусства Наркомпроса 20 марта 1919 г. командирует комиссию, которая закончила свою работу в мае. В этом же месяца случилось происшествие, которое, можно предположить, в определенной мере поспособствовало процессу скорейшего образования общедоступного музея, по крайней мере, так считал сам Морозов: «в ночь на 9/22 мая (1919) через разбитое окно в угловой гостиной воры проникли в готический кабинет и библиотеку. Была произведена, в сущности незначительная кража части миниатюр

⁵ Там же. Л. 8 об.

⁶ Из истории строительства советской культуры. 1917–1918. М., 1964. Ч. II. С. 114.

⁷ Воспоминания (черновики, наброски, материалы) А.В. Морозова (рукопись). Л. 11 об.

⁸ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. 1918–1922. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Постановление СНК № 1011 от 19.12.1918 г.

и нескольких предметов не имеющих музейного значения. Наше заявление о краже, переданное в Отдел по делам Музеев Наркомпроса вызвало обследование особняка и хранившихся в нем собраний. Отдел решил организовать Музей под названием «Музей Русской Художественный Старины»¹¹.

Первоначально в планах Отдела по делам музеев было уже тогда открыть на основе фарфоровой морозовской коллекции, насчитывающей к тому времени 2 372 предмета, специализированный Музей фарфора: «эти предметы помещены в четырех комнатах с отдельным ходом и представляют достаточно обособленную и законченную часть собрания, характеризуя русское фарфоровое производство, комиссия признала, что эта часть собрания уже может быть в настоящее время открыта для обозрения публики»¹². В то же время требовалось бы освободить особняк от непрофильных коллекций, что в данный отрезок времени, учитывая нехватку людских ресурсов и материальных средств, представлялось затруднительным. Поэтому 5 июня 1919 г. на заседании Коллегии Отдела по делам музеев было принято решение организовать на основе морозовских собраний «Музей—выставку русской художественной старины»¹³. Заведующим музея был назначен скульптор Сергей Захарович Мограчев, а А.В. Морозов стал его помощником.

Отметим, что музей на ряду с другими организациями, размещенными по этому адресу, являлся лишь арендатором здания. Еще 31 октября 1919 г. был выдан ордер № 15544 Жилищно-земельного отдела московского совета рабочих и крестьянских депутатов на предоставление площадей в особняке № 21 по Введенскому переулку для музея. Последний должен был ежемесячно вносить арендную плату. В 1920 г. она составляла 7 140 рублей в месяц (В это время музей занимал помещения площадью 170 кв. саженей (примерно 774 м. кв). Из своих средств музей должен был оплачивать отопление и ремонт здания¹⁴.

В доме был проведен небольшой ремонт и 14 декабря 1919 г. в музей пришли первые посетители.

Первоначально режим работы музея был следующим: в воскресенье и среду с 12 до 16 часов, а во вторник и пятницу с 17 до 20 часов. Входная плата составляла 20 коп., для экскурсантов— 10 коп., для детей посещение музея было бесплатным. При музее была библиотека, которая пополнялась, в том числе, и изданиями, выписываемыми из-за границы.

В течение 1920-х гг. из особняка постепенно выводятся сторонние организации, но освободившиеся площади занимает Хранилище № 3 Государственного музейного фонда (т.н. «фарфоровое отделение»).

Тем не менее, угроза «уплотнения» все еще была актуальна для музея: в Жилищно-земельном отделе рассматриваются планы перекрытия части помещений, для создания новых жилых площадей. Излишне говорить, как подобное соседство отразилось бы на жизни музея. Поэтому в апреле 1920 г. создается конфликтная комиссия из представителей Центрального жилищно-земельного отдела и Отдела по делам музеев, которая, обследовав особняк, написала заключение о том, что «дом представляет музей, наполненный предметами исключительной художественно-научной ценности, при настоящих

¹¹ Воспоминания (черновики, наброски, материалы) А.В. Морозова (рукопись). Л. 13 об.

¹² Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. 1918–1922. Л. 34.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 12.

условиях неподлежащих вывозу, как фарфор, серебро, гравюры, иконы и др., весь инвентарь музея (как то: шкафы, витрины и пр.) составляют нечто общее с архитектурной обработкой помещения; разделения этажей невозможно вследствие разрушения фресок Врубеля¹⁵, сделанных в два этажа, уменьшение количества лестниц будет опасно в пожарном отношении. Кроме этого, в музее есть помещение, специально приспособленное для выставок. Совмещение музея с жилым помещением недопустимо ввиду большой опасности для дома и музейных предметов. На основании изложенного комиссия находит, что особняк не может быть использован с какой-либо другой целью, как только музейного помещения»¹⁶.

Таким образом, угроза была отведена, и музей продолжил свою работу. В 1920 г. выходит его первое издание — «Музей русской художественной старины. Собрание фарфора». 25 марта 1921 г. музей переименовывается в Музей фарфора.

В первые годы, несмотря на значительные трудности, связанные с перевозкой и размещением вещей, идет активный процесс комплектования музея. В 1921–1924 гг. поступают предметы из бывших дворянских усадеб: из усадьбы Головки, Ильинского, «Отрада», Ивановское и др. Ведущая роль в отборе предметов для музея принадлежит его заведующему, а впоследствии и директору — С.З. Мограчеву. Основным источником пополнения были хранилища Государственного Музейного фонда, куда свозились предметы из национализированных коллекций. Так в музей переходят предметы из собраний Дурсмы, Жиро, Харитоненко, Кузнецова, Куракина, Соллогуб, Бахрушина, Брокер, Морозовой и др. Из Румянцевского музея поступает коллекция Л.К. Зубалова, из Музея изящных искусств — Д.И. Щукина.

Профильные для музея предметы поступают из Первого музея Новой западной живописи — это четырнадцать ваз работы Императорского фарфорового завода эпохи Николая I. По поводу этого поступления С.З. Мограчев писал: это «являлось <...> в высшей степени ценным приобретением для Музея фарфора в смысле пополнения его чисто экспозиционным материалом известных художественных достижений данной эпохи завода и в отношении обогащения музея новым декоративно-обстановочным элементом»¹⁷.

В 1922 г. в Москве начинают расформировываться «пролетарские музеи». Они были созданы при участии Комиссии музеев и охраны памятников при Моссовете. Музеи такого типа были рассчитаны на «пролетария, имеющего небольшое количество времени свободного от труда <...> еще, быть может, никогда не знавшего музеев и не бывавшего в них». Они «должны были побудить рабочего стремиться к усовершенствованию своих знаний и к более высоким художественным достижениям в работе»¹⁸. В ряде подобных музеев были собраны очень хорошие коллекции фарфора и стекла. Например, в экспозиции Первого Пролетарского музея было представлено «превосходное собрание белого и цветного русского стекла и хрусталя, охвачен период со времени Елизаветы Петровны до середины 19 в. Русский фарфор занимает главное место в музее, систематизирован по заводам. Наиболее полно представлен завод А. Попова, причем большинство предметов относятся к лучшей поре его деятельности, а именно к 20–30-м годам

¹⁵ Имеется в виду серия «Фауст», написанная М.А. Врубелем по заказу А.В. Морозова для его Готического кабинета.

¹⁶ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. 1918–1922. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Пролетарские музеи // Среди коллекционеров. 1922. № 2. С. 26.

XIX в.»¹⁹. Второй Пролетарский музей Замоскворецкого района обладал «обширной коллекцией фарфора, большей частью иностранного, размещенного по странам и фабрикам». Среди русского фарфора выделялся «редкий петух елизаветинской эпохи»²⁰. После расформирования этих музеев их коллекции пополнили, в том числе, и собрание Музея фарфора. Значительный комплекс вещей поступает из Оружейной Палаты. В их числе такие шедевры нынешнего музейного собрания, как Египетский сервиз и «виноградоставок» — один из самых ранних образцов русского фарфора.

Через Ленинградское отделение Государственного музейного фонда музей пополнился предметами из императорских «дворцовых сервизов». Ценные экспонаты были отобраны в загородных царских резиденциях — Гатчине, Петергофе, Ораниенбауме и в Царскосельских дворцах — Екатерининском и Александровском. В частности, из последнего поступили «тет-а-тет» с росписями на сюжет «Евгения Онегина», фарфоровые и стеклянные вазы, находившиеся в покоях дворца и предназначенные для подарков высшим дворцовым чинам²¹.

Доставка вещей в Москву проходила не без сложностей: об этом мы узнаем из письма А.И. Борисевича, младшего технического сотрудника Государственного Эрмитажа, которому была поручена упаковка предметов. Он пишет: «в виду того, что ведутся очень большие расходы по упаковке вещей в загородных дворцах, как относительно материала, транспорта и людей, то я совершенно израсходовался и много задолжал рабочим. А поэтому прошу поскорее выслать мне деньги для дальнейшей упаковки вещей, которые еще не упакованы в Петергофе и в Ленинградском музейном фонде и ГЭ и один ящик в Дворце Пале (sic!), Детское село, еще ок. 28 ящиков нужно упаковать. В Ораниенбауме упаковано 3 ящика и отправлены на железную дорогу. Т.ч. отправлено всего 17 ящиков <...> Вышлите хотя бы 200 рублей»²². Из письма следует, что все расходы по упаковке и транспортировке осуществлялись за счет музея.

Еще одним способом пополнения музейных коллекций были обмены. В условиях фантастической инфляции и обесценивания денег музей стал осуществлять «бартерные сделки». Один из характерных документов этого периода — письмо С.З. Мограчева в Отдел по делам музеев Главнауки: «В Музей фарфора поступило от гр. Александра Тимофеевича Незнакомова предложение приобрести стенную витрину (64 см на 88 см) карельской березы, обитую внутри старинной набойкой. Не имея наличных средств, Музей, со своей стороны, мог предложить А. Т. Незнакомову только обмен ее на какой-нибудь фарфор, с этой целью отобрали 3 чашки (Попова и Гарднера), оценив в 15 000 рублей в знаках 1922 г. Предложение музея А.Т. Незнакомовым принимается. В виду острой нужды музея в витринах прошу отдел санкционировать данный обмен»²³.

Именно в результате обмена с 1923 г. среди музейных экспонатов стали появляться первые образцы советского фарфора: с предложением предоставить свои изделия в обмен на образцы фарфора (русского и иностранного) более раннего периода обратился Государственный фарфоровый завод. В результате музей стал обладателем произведений

¹⁹ Там же. С. 27–28.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Яковлев В.И. Александровский дворец-музей в Детском селе. Убранство. (Вместо каталога). Л., 1928. С. 459–461.

²² Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты приемки предметов керамики. 1927. Л. 63.

²³ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты обмена. 1923. Л. 2.

С.В. Чехонина, Н.Я. Данько, А.Я. Брускетти-Митрохиной и др. В свою очередь для завода было отобрано 36 предметов — фигурки и посуда, но не из коллекции музея, а из «фарфорового фонда»²⁴.

На протяжении нескольких лет неоднократно принимал личное участие в пополнении музейных коллекций и сам А.В. Морозов. В дар музею он приносил не только любимые им фарфоровые изделия (в 1920 г. — 108 предметов²⁵, в 1927 г. — 45 предметов²⁶), но и другие предметы декоративно-прикладного искусства. Среди них любопытно отметить следующие: в 1924 г. он дарит два перламутровых кубка и шесть деревянных резных скульптур XV–XVI вв.: «передаю по прилагаемому списку Музею фарфора с тем неременным условием, чтобы означенные предметы находились в готическом помещении Музея фарфора. И никаким другим учреждениям не передавались. При несоблюдении Музеем фарфора этого условия я оставляю за собой право взять эти вещи обратно»²⁷.

Чтобы разместить вновь поступающие предметы, было необходимо не только реорганизовать экспозицию, но и найти витрины, в которых можно было экспонировать предметы. Сделать это в столь тяжелое для страны время было непросто. Поэтому необходимое экспозиционное оборудование собирается практически по всей Москве: например, «на фабрике Фишера (Новоспасская пл. № 3)» были взяты: «витрина красного дерева, буфет рококо верхняя часть, тумба “Людовик XIV” золотая со стеклами, полوك стеклянных — 6, цоколей плюшевых — 3, тумб плюшевых — 2»²⁸. Две витрины красного дерева вывозятся из бывшего особняка сахарозаводчика Харитоненко²⁹.

Трудности с финансированием музей испытывал постоянно. Значительные статьи расходов составляли обслуживание дома, арендная плата, покупка дров. С.З. Мограчев пишет в Отдел учета и распределения Музейного отдела Главнауки письмо, где описывает положение, в котором оказался музей и предлагает возможное решение хоть каким-то образом выйти из финансового тупика: «с момента разассигнования средств по музеям и выделения Музея Фарфора на ряду с другими в “самостоятельную финансовую единицу” последний оказался совершенно без средств. Это с одной стороны. С другой, принимая во внимание задолженности музея и неотложную необходимость мелких и крупных растрат в нем, как то: ремонт протекающей крыши, починку потолков, водопроводных и канализационных труб, починку паркета, чистку пришедших в ветхость штор и необходимость основательной чистки всего помещения Музея, и то, что также отсутствие средств на расходы по экспозиции поступивших за зиму и вновь поступающих коллекций, по реставрации, перестановке и перегруппировке всей коллекции в связи с организуемым музеем “отделами западного и восточного фарфора”. Я прошу Отдел о разрешении продать часть вещей, принадлежащие музею из немеющих художественного

²⁴ Там же. Л. 4–4 об.

²⁵ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты приемки 1919–1921. Л. 67.

²⁶ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты приемок предметов керамики. 1927. Л. 44.

²⁷ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты приемки. 1924. Л. 4–5. Все предметы были переданы Музею изобразительных искусств в 1930 г.

²⁸ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты 1919–1924. Л. 25.

²⁹ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты приемки. 1924. Л. 9.

значения. Данный шаг диктуется исключительными насущными нуждами музея и отказом центра о выдаче ему хотя бы минимальных средств на покрытие его расходов»³⁰. Письмо не датировано, вероятно, его можно отнести к 1923 г., т.к. с этого момента в документации музея стали появляться акты о продаже. На продажу шли предметы XIX в., часто поврежденные или битые, подделки под известные марки, дублеты. Всякая подобная «сделка» должна была получить визу Отдела по делам музеев, где, видимо, вещи, предназначенные к продаже, проходили определенную экспертизу. В условиях НЭПа интерес к антиквариату и собирательству вспыхнул с новой силой, и поэтому недостаток в покупателях у музея не было. Причем музей продавал не только фарфор и стекло, но и предметы мебели.

Начиная со второй половины 1920-х гг. активно ведется процесс освобождения музея от непрофилирующих коллекций, который начался еще в 1921 г., когда из музея была выдана коллекция игрушек А.В. Морозова. В 1925 г. в Музей изящных искусств передается коллекция гравированных портретов, в Оружейную палату — 86 резных художественных предметов из нефрита, горного хрусталя и других каменных пород, 42 деревянные поставки с предметами из камня. В 1926 г. в Исторический музей поступают 210 икон из морозовского собрания.

После расформирования хранилищ Государственного музейного фонда, Музей фарфора становится тем местом, куда стали приезжать представители региональных музеев для отбора вещей для пополнения своих коллекций. Особенно масштабным этот процесс становится с 1927 г. География этих выдач весьма широка — Ашхабадский, Череповецкий, Златоустовский, Сызранский, Одесский, Слободской, Хабаровский, Салихардский и другие музеи. Из музейного собрания выдавались предметы и для оформления советских дипломатических миссий за границей, и для представительских подарков, а так же для реализации на внутренних благотворительных лотереях и аукционах и для продажи на внешнем рынке.

С 1927 г. на музей возлагается еще одна функция — учет и контроль за частными собраниями фарфора в Москве. Ученый секретарь или ответственный сотрудник должен был вести специальные списки предметов, с указанием их владельцев и специфики коллекции, отслеживать всякое перемещение предметов, определять их музейную значимость. В случае решения владельца продать какой-либо предмет первоочередное право покупки принадлежало музею. На учете у музея находились следующие коллекции: Т.Г. Гольдберг, Н.Л. Крысова, Веллер, Н.И. Тютчева, П.И. Постникова.³¹

Одним из самых малоизученных в истории музея является вопрос о его первых научных сотрудниках. Кроме С.З. Мограчева и А.В. Морозова в это время в музее работали хранители Василий Васильевич Ушаков и Мария Андреевна Кетова. Должность завхоза музея исполнял А.И. Макаров.³² Реставрация музейных предметов проводилась частным мастером-реставратором Валерианом Алексеевичем Климовым, который жил в Тихвинском переулке (дом 11, кв. 35) и проводил работы на дому.³³

³⁰ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Разрешения Отдела на продажу. Л. 2–2 об.

³¹ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Учет частных собраний. 1927. Л. 5–8.

³² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 406. Оп. 12. Ед. хр. 1979 (Отчет о деятельности Музея фарфора Москвы за 1927–1928 гг. в социально-культурную секцию НК РКИ РСФСР). Л. 5.

³³ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты выдач. 1925. Л. 49.

Говоря о жизни музея в это время необходимо упомянуть и о выставочной деятельности, правда, сведения о ней достаточно скудны. Так в 1920 г. музей выдал на выставку М.А. Врубеля в Третьяковскую галерею две майолики, а в 1923 г. на юбилейную выставку А.Н. Островского в Бахрушинский музей—два эскиза театральных декораций художников Крымова и Кустодиева. О выставках внутри музея информация весьма косвенная—например, в докладной записке по поводу кражи есть указание на то, что кража была совершена с выставки произведений Копенгагенского фарфорового завода: «при закрытии музея сего числа было обнаружено в комнате нижнего этажа, на выставке фарфора Копенгагенской королевской мануфактуры отсутствие одной пепельницы означенного завода <...> каковая пепельница была прикреплена проволокой к наружной стороне витрины, из чего можно заключить, что пепельница похищена кем-либо из посетителей музея»³⁴.

Несмотря на все трудности «рождения музея», он состоялся и со временем становился все более популярным. Сведения о Музее фарфора включались в крупнейшие путеводители по Москве того времени. Налаживалось сотрудничество с коллегами из европейских музеев. В сентябре 1928 г. после очередного обследования особняка Комиссией по разгрузке Москвы, появляются слухи о перемещении музея. Морозовский дом освобождался для размещения в нем Коммунистической академии. Музеем предоставлялось здание по адресу Большой Знаменский переулок дом 8, где ранее был размещен Музей новой западной живописи. С этим переездом открывалась новая страница истории Государственного музея керамики.

Список литературы

Мозжухина Т.А. Единственный в России. Государственный музей керамики в Кускове. М.: Тритона, 2012. 47 с.

Самецкая Э.Б. А.В. Морозов и создание Государственного музея керамики // Музей–6. Художественные собрания СССР. М.: Советский художник, 1986. С. 159–164.

Самецкая Э.Б. Художественно-керамическая лаборатория в Государственном музее керамики. 1918–1930 годы // Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства. Научные чтения памяти В.М. Василенко: Сб. ст. М.: [Б.и.], 2001. Вып. 3. С. 186–196.

Яхненко Е.В. История Государственного музея керамики (1918–1938) (к 80-летию создания музея) // Дворец. Усадьба. Заповедник. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию организации московского музея-усадьбы «Останкино». М.: ИТРК, 2010. С. 46–61.

References

Mozzhuhina T.A. *Edinstvennyj v Rossii. Gosudarstvennyj muzej keramiki v Kuskove* [The only one in Russia. The State Museum of Ceramics in Kuskovo]. Moscow: Tritona, 2012. 47 p. (in Rus.).

Sameckaja E.B. A.V. Morozov i sozdanie Gosudarstvennogo muzeja keramiki [A.V. Morozov and the creation of the State Museum of Ceramics], in *Muzej–6. Hudozhestvennyje sobranija SSSR*. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1986. P. 159-164. (in Rus.).

³⁴ Отдел учета Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». Акты и документы. Акты повреждений. 1924. Л. 2.

Sameckaja E.B. Hudozhestvenno-keramicheskaja laboratorija v Gosudarstvennom muzee keramiki. 1918–1930 gody [Art-ceramic laboratory in the State Museum of Ceramics. 1918–1930] in *Vserossijskij muzej dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva. Nauchnye chtenija pamjati V.M. Vasilenko: Sb. st.* Moscow: [without name of publisher], 2001. Vol. 3. P. 186–196. (in Rus.).

Jahnenko E.V Istorija Gosudarstvennogo muzeja keramiki (1918–1938) (k 80-letiju sozdanija muzeja) [History of the State Ceramics Museum (1918–1938) (to the 80th anniversary of the creation of the museum)], in *Dvorec. Usad'ba. Zapovednik. Materialy nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju organizacii moskovskogo muzeja — usad'by «Ostankino».* Moscow: ITRK, 2010. P. 46–61. (in Rus.).